

*Р.М. Ханинова,
кандидат филологических наук, доцент Калмыцкого госуниверситета,
А.В. Музаева,
и.о. главного инспектора по работе с персоналом Сбербанка г. Элисты*

ТОКУГ В КАЛМЫЦКОЙ КУЛЬТУРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ: ГЕНЕЗИС, СЕМАНТИКА И ФУНКЦИЯ ЖЕНСКОГО УКРАШЕНИЯ

Токуг (калм. «токг») относится к традиционным женским украшениям в калмыцкой культуре, о чем неоднократно писалось в трудах историков, этнографов и культурологов. Отдельных статей, посвященных именно этому атрибуту женской одежды, в калмыковедении нет. Первая попытка в литературоведческом плане была предпринята Р.М. Ханиновой в недавней статье «Вещи, спустившиеся с неба» на примере поэзии Михаила Хонинова.[1, 4, 10]

В традиционных представлениях калмыков хранилищем жизненной силы являются волосы замужней женщины, а потому украшение токугами, имеющими магическое охраняющее значение, обеих кос, облаченных в специальные чехлы – шиверлыки (калм. «шиврлг»), является защитой как для самой женщины, так и для ее мужа, по словам Э.П. Бакаевой.[2, с.248]

«Замужняя женщина носила две косы, в одной – правой – она якобы хранила свою жизненную силу, а в левой – жизненную силу», – подчеркивает Э.-Б. Гучинова.[3, с.103] В этом, видимо, также «проявляется традиционное для монгольского мира мышление в стиле бинарной оппозиции, согласно которой душа женщины находится в правой половине тела, а душа мужчины – в левой».[3, с.101] Поэтому замужняя калмычка берегла свои волосы от постороннего глаза и никогда перед чужим человеком не могла появиться простоволосой.[3, с.103]

Существовал также запрет на прикосание к волосам женщины, нарушение которого могло явиться зачином в сказках.[2, с.248]

Мы можем вспомнить калмыцкую сказку «Хартин – черная коса», когда Татун мыла голову и капля с ее косы упала дремавшему на ширдыке деверю на щеку. Тот поднялся и с досадой откинул косу невестки за ее плечо. Татун обиделась. «Не трогай меня за косы, – с возмущением сказала она, – ты не уважаешь обычаев предков, не почитаешь ни меня, ни брата своего».[4, с.122] Жена пожаловалась мужу, и гордость его взлетела выше сокола, по словам младшего брата. «Но сокол, поднявшись в небо, видит землю, а тебе обида заслонила путь к истине», – укорил Харчинку-стрелка Хартин-черная коса, покидая семью.[4, с.126]

Пример в эпическом произведении, когда нарушается симметрия ношения шиверлыков, приводит А.Ш. Шалхаков. «Дамбин-Улан наезжает на юрту, возле которой встречает “старуху [мать] с одним-единственным шивырлыгом”. (Шивырлыг – парный чехол для женских кос; ношение одного шивырлыга вместо двух – ассиметрия, – видимо, признак пребывания в ином мире – мире мертвых)».[5, с.80]

Сходные представления у бурят, согласно Г.Р. Галдановой, выразились в следующих обычаях: вдове полагалось срезать одну косу, которую погребали вместе с мужем; если женщина желала смерти своего мужа, она отрезала свои косы наполовину [цит. по: 2, с.248], то есть укорачивала его жизненный путь, лишая силы.

Токуг – металлическая подвеска к сплетенным в косы волосам замужних женщин-калмычек – изготавливался обычно из серебра с чернением. Это украшение по форме напоминает стрелу, направленную острием вниз. Э.П. Бакаева и Э.-Б. Гучинова ссылаются на предположение А.Ш. Кичикова о том, что слово «токуг» означает «стрелу для битвы» и относится к предметам, обозначающимся в калмыцкой культуре как «вещи, спустившиеся с неба» (калм. «буудал»), то есть стрелы драконов-громовержцев [2, с.246]; и «это обращение к стреле-токугу станет более понятным, если вспомнить, что у калмыков магическая сила приписывается всем предметам, считающимся “буудалами”».[3, с.103] Иными словами, «если стрелы, возможно оставленные прежде воинами или охотниками, находили там, где упала молния, их считали буудалами, то есть стрелами драконов, и использовали в старину как средство для лечения больных».[3, с.103]

Как поясняет Э.П. Бакаева, в традиционных калмыцких представлениях дракон является представителем нижнего мира, когда зимует на дне океана, но с весны – поднимается на небо.[2, с.246] Стрела как один из символов жизни и возрождения в токуге несет магическую функцию. В эпосе «Джангар» читаем о том, как серебряные с кораллом подвески доходят до голени. Как известно, в эпических произведениях женщина, трижды переступая через тело раненого богатыря и трижды встряхнув или ударив токугами, оживляла человека. «Перешагивание как магическое действие дополняется магической словесной формулой, выкрикиваемой во время обряда».[5, с.239]

Мотив исцеления Хонгора супругой Савара, женщиной «чистой нравственности», демонстрирует две такие попытки: «Первая попытка оказалась безуспешной: стрелы не стронулись с места. После второй попытки стрелы, слегка сдвинувшись с места, остановились. Богатырь Савар, наблюдавший за действиями нойонши, лицом пожелтел и пригрозил секирой: “Если не удалишь стрелы – тебя ждет вот что!” “Если мне не суждено погибнуть от острия или обуха секиры Савара, если того, что думает обо мне Савар (в действительности) не было, посланца чужеземного хана стрелы, выстрелитесь-удалитесь!” – прокричала (нойонша), ударяя токугом, и обе стрелы выскочили».[Джангар 1978, т. 2, 196-197], [5, с.238-239] Здесь фигура нойонши восходит к архаическому тууль-улигерному образу небесной девы-целительницы.[5, с.239]

По описанию У.Э. Эрдниева, женские две косы укладывались в бархатные или шерстяные чехлы (накосники), которые спускались на грудь, пропускались через петли, пришитые по бокам платья на уровне пояса.[6, с.284] Э.-Б.Гучинова добавляет к названным материалам еще плис и шелк, все это всегда черного цвета.[3, с.103] Токуги, привязанные к концу каждой косы, призваны отгонять чертей (шулмусов), пристававших, по представлению калмыков, к длинным женским волосам.[6, с.284-285]

Сами украшения в форме стрелы, символизируя ее, в нижней части – трехчленные или имеют сердцевидное окончание. В монгольской культуре стрела или стрелоподобные предметы обозначали жизнь или смерть. По мнению Э.П. Бакаевой, направление движения в символике токуга продолжает направление роста волос, а потому в конкретной ситуации расположение токугов не равнозначно, а противоположно положению стрелы острием вниз. Тройное окончание в токуге символизирует основательность, силу.[2, с.246-247]

Токуг в «Сказании о калмычке» (пер. Р. Ханиновой) Михаила Хонинова интересен в сюжетном отношении как предмет, который, с одной стороны, принадлежал Цаган Байн, жене по-